

ОТТЕНОК ПЕПЛА НА СТИХАРЕ.

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО ОТЦА СЕБАСТЬЯНА

ОСНОВАНО НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ

МАДИНА ВЕСТЧЕСТЕР

18+

Мадина Вестчестер Оттенок пепла на стихаре. Последнее дело отца Себастьяна

<https://litres.ru/74008689>

SelfPub; 2026

Аннотация

В основе книги - реальные трагедии эпохи испанского психоза 1980-х годов.

Мадрид 1987 года задыхается от жары и паранойи, пока СМИ ищут дьяволопоклонников. Проводя Себастьяна сквозь цепочку подлинных человеческих преступлений, Люцифер шаг за шагом ломает его рассудок. Но священник не догадывается, что за каждым увиденным им пороком кроется зловещий скрытый смысл, и когда тяжелые замки собора Альмудена запрутса сами собой, Себастьяну придётся заплатить самую страшную цену.

Содержание

Предисловие Автора	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ Перед чертой	6
1	6
2	16
3	32
4	50
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Мадина Вестчестер Оттенок пепла на стихаре. Последнее дело отца Себастьяна

Предисловие Автора

Я не знаю, сгорит ли моя душа в аду за эту книгу.

Месяцы изучения закрытых документов испанской «сатанинской паники» 1980-х годов стирают грань между святостью и грехом. В папках уголовных дел, отчётах демонологов и сухих протоколах спецслужб Мадрида и Барселоны скрыта изнанка веры, о которой Ватикан приказал молчать. Церковь веками знала о коррупции в собственных рядах, но предпочитала прятать архивы инквизиции под замок, пока на улицах горели храмы.

В 1987 году Испанию охватило безумие. Чёрный рынок Мадрида оценивал одну освящённую гостию из собора Альмудены в тысячу евро. Бывшие священники служили мессы с использованием ЛСД и кокаина, а полиция находила на обысках перевёрнутые распятия и опустошённые дароносицы. В это же время кардинал Ратцингер подписывал стро-

гие циркуляры, пытаясь обуздать хаос и запрещая мирянам читать экзорцизмы. Бюрократия пыталась задушить живой ужас.

Эта книга выросла из задокументированных преступлений, украденных святынь и признаний людей, прошедших через ад. Самое страшное - тишина. Абсолютная, оглушающая тишина, которая остаётся после самых отчаянных молитв. Человек ломается именно в этот момент. Он готов терпеть любую боль, пока верит, что его слышат. Но когда небо молчит в ответ на крик о помощи, внутри умирает последнее человеческое. Отец Себастьян - реальное лицо этой трагедии. У него были десятки имён в полицейских сводках и приходских книгах Леванте. Он прошёл путь, который Церковь назвала бы абсолютным падением. Себастьян просто устал носить святость как тяжёлые доспехи, вливающиеся в открытые раны. Он выбрал Тьму не из жажды власти, а потому что Тьма оказалась единственным собеседником, готовым слушать. Архивы можно засекретить. Пепел на стихаре уже не спрятать.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ Перед чертой

1

Июньская Барселона 1987 года пахла апельсиновой коркой, жареным миндалём и дешёвым табаком. К полудню солнце превращало Рамблас в раскалённую сковороду. Туристы в ярких футболках обмахивались картами метро и пили ледяную сангрию. Молодые парни на скейтах с грохотом облетали фонтаны. На их фоне старухи в чёрном казались выжженными тенями. Они скользили вдоль каменных стен, спасаясь от зноя. Жизнь была ключом. Город отказывался спать даже в сиесту, когда железные шторы магазинов с грохотом падали вниз, на четыре часа запирая мир изнутри.

В этой Барселоне продавалось всё: от поддельных часов до свежих устриц, от шелка до героина. Чеки толкали в подворотнях за магазином звукозаписей на Carrer de la Canuda. Использованные шприцы хрустели под подошвами тех, кто спешил на пляж Барселонета. Наркотическая эпидемия восьмидесятых въелась в город так же глубоко, как солнце и сахарские пыльные бури, собиравшиеся над побережьем. В такие дни небо становилось грязно-жёлтым.

Донья Елена и её сын занимали третий этаж старого дома на улице Hospital, в двух шагах от рынка Бокерия. Окна

выходили в тесный внутренний дворик. Там соседи сушили бельё и круглосуточно орали друг на друга на четырёх языках. Квартира пахла жареной треской и нафталином. Донья Елена маниакально вычищала каждый угол. Она не выносила грязи - ни физической, ни моральной.

Карлосу исполнилось шестнадцать. Он носил чёрную футболку с грубо обрезанными рукавами, джинсы с тяжёлой цепью от бумажника и армейские ботинки. Стены его комнаты покрывали постеры групп, которые мать называла «сатанинским шумом». Донья Елена не отличала хэви-метал от трэша. Для неё любые тяжелые гитарные риффы оставались прямым призывом дьявола, а тексты - заклинаниями.

- Ты слышал, что случилось в Санта-Колома-де-Граменет? - крикнула она из кухни, шкварча рыбой на сковороде.

Карлос промолчал. Он сидел на полу, прислонившись спиной к кровати, и лениво крутил в пальцах аудиокассету. На пластике чёрным маркером было выведено название, которое мать не смогла бы выговорить без греха.

- Я с тобой разговариваю! - голос Элены сорвался на визг.

- Слышу, - бросил он, не шевелясь.

- Взломали церковь Святого Сердца. Украли святые дары.

Опять. Четвёртый раз за месяц по всей провинции. Свобода пахнет не только цветами, Карлос. Она пахнет дымом. Когда людям разрешают верить во что угодно, они первым делом выбирают свои самые тёмные страхи. А вы продолжаете слушать этот вой из колонок.

Донья Елена говорила так, будто налётчики делили добычу прямо в её гостиной. Она щёлкнула тумблером плиты, на ходу вытерла руки о кухонное полотенце и шагнула в комнату сына.

Карлос не поднял головы.

- И что ты об этом думаешь? - Елена прислонилась плечом к дверному косяку.

- Ничего не думаю.

- Эти твари - воры и поклонники дьявола, Карлос. Твои группы поют их гимны. Чертовщина сквозит в каждом аккорде, в каждом вопле этого... этого...

Она брезгливо махнула рукой в сторону кассетной деки.

- Перестань, мам.

Карлос вздохнул, швырнул кассету на линолеум и поднялся. В тесной комнате с зашторенными окнами он казался огромным. Подросток перерос мать на голову, его фигура выглядела угрожающе, но Елена не испытывала страха перед сыном. Она панически боялась за его душу.

- Я принимаю причастие каждое воскресенье, - её голос упал до шёпота. - Семь лет я жгу свечи за твоё здоровье. Семь лет, Карлос! А ты просто плюёшь на мои молитвы.

- Не плюю. - Ты не бываешь на мессах.

- Я не хожу туда, потому что не вижу в церкви Бога.

Слова повисли в душном воздухе. Донья Елена замерла, словно от физического удара.

- Как у тебя язык поворачивается? - прошептала она. -

Храмы грабят, священникам угрожают смертью, мир катится в преисподнюю. Сейчас нужно цепляться за алтарь зубами.

- Мир сходит с ума, потому что вера стала удобной ширмой, - Карлос перешел на шепот, но в нем читалась глухая, тяжелая ярость. - Ад начинается не под землей. Он начинается на кухнях, где любящие люди перестают переводить друг другу свою боль.

Подросток подошел к магнитофону, выдернул кассету, сунул её в задний карман джинсов и двинулся к выходу.

- Ты куда? - Елена не обернулась.

- На воздух.

- Карлос.

Он замер в дверях, сжимая ладонью старую ручку.

- Я люблю тебя, - тихо произнесла мать. - Я не хочу видеть, как ты горишь в аду.

- В аду хотя бы есть музыка, мама.

Дверь захлопнулась с тяжёлым стуком.

Шум улицы ударил в лицо, как тепловая волна. Смешалось всё: хриплые выкрики зазывал с Бокерии, вой сирены со стороны порта, кастаньеты фламенко из открытого окна второго этажа и треск старых мотоциклов. Карлос нацепил наушники и вдавил кнопку плеера. Тяжёлый гитарный скрежет и пулемётные барабаны мгновенно отрезали внешний мир.

Он шёл напролом, лавируя между туристами и тележка-

ми с фруктами. У каждого газетного киоска толпились люди, жадно разглядывая чёрные шрифты утренних полос. Заголовки El País и La Vanguardia соревновались в кровожадности: **«Сатанинская паника в Каталонии»**, **«Сектанты наносят новый удар по приходам»**, **«Епископат требует ввести гвардию»**.

У лотков торговцы орали, переплетая новости с ценами:

- Помидоры из Альмерии! Пятьдесят песет! Читали, что эти выродки творят? Осквернили святыни в Жироне! Берите перцы, хозяйка, свежие перцы!

Старухи на ступенях церкви Сант-Аугусти яростно крестились, глядя на очередную листовку, наклеенную прямо поверх распятия: **«Они идут за вашими детьми. Проверьте их комнаты»**. Мужчины в барах громко стучали стаканами по стойкам, споря о политике и дьяволе под аккомпанемент телевизионных новостей. Диктор в черно-белом экране вещал о таинственных ритуалах на кладбищах Леванте.

Карлос резко свернул вглубь квартала Раваль. Здесь уличный гул стал липким, душным, пахнущим пережаренным оливковым маслом и тухлой рыбой. На мраморных ступенях облупленного подъезда сидела молодая цыганка с младенцем. Она затягивалась дешёвой «Дукадос» и смотрела в никуда пустыми глазами. У её ног валялись окурки и битая бутылка из-под крепленого вина. В конце тупика двое парней в мятых спортивных костюмах быстро передавали третьему

целлофановый чек с дозой героина. Карлос скользнул мимо. Ломка и шприцы - не его история.

Он выбрался на глухую, зажатую домами площадь. В центре высилась старая церковь, обнесённая деревянными лесами и затянута выцветшей зелёной сеткой. Реставрация шла годами. Рабочие давно ушли на сиесту, бросив мастерки и пустые банки из-под пива прямо у входа. Тяжёлая дубовая дверь оказалась слегка приоткрыта.

Карлос сорвал наушники с шеи. Тишина площади оглушила его сильнее, чем грохот рока в колонках. Он толкнул створку и перешагнул порог.

Внутри царили полумрак и сквозняк. Каменные плиты намертво заперли в себе ночной холод. Застоявшийся воздух казался густым, тяжёлым, словно вода в глубокой заброшенной купели. Карлос сделал три шага вперёд и замер. Перед алтарем, спиной к выходу, неподвижно застыл священник.

Мужчина выглядел молодо - от силы лет тридцать. Чёрная сутана сужала его плечи, превращая фигуру в вытянутый, почти призрачный силуэт. Он не обернулся на звук шагов. Он просто стоял, навалившись ладонями на каменные перила солеи, и всматривался в пустоту над престолом.

- После полудня вход строго запрещён, - произнёс священник в пустоту, не поворачивая головы.

- Я не знал, - Карлос переступил с ноги на ногу. - Дверь осталась открытой.

- Двери всегда открыты. Это еще не повод заходить

внутри.

Навалилась тишина. Плотная, ровная. В ней хотелось стоять часами, просто вдыхая запах старого воска и сырой штукатурки. Карлос прошёл по проходу и опустился на скрипущую деревянную скамью для прихожан.

- Вы верите, что Бог слышит? - неожиданно для самого себя спросил подросток.

Священник медленно повернулся. У него оказались холодные серые глаза, смотревшие не на собеседника, а сквозь него - куда-то в собственную глухую темноту. Острые, хищные черты лица. В этом человеке не было ни иконной мягкости, ни той снисходительной, приторной усталости, с которой приходские пастыри обычно выслушивают случайную паству.

- Спрашиваешь, слышит ли Бог? - он двинулся по ступеням вниз. Подошвы его туфель не издали на камне ни единого звука. - Бог слышит всегда, Карлос. Вопрос в другом: отвечает ли он?

Мальчик вздрогнул. Он точно помнил, что не называл незнакомцу своего имени.

- И как вы думаете? Отвечает?

Священник остановился в паре метров от скамьи. Его взгляд намертво пригвоздил подростка к дереву.

- Думаю, что самое страшное для священника - замолчать самому. Бог молчит веками, но у него есть на это право. У нас его нет.

Карлос замер. Он ждал банальных поучений о любви, прощении и страданиях, которые называют испытанием. Этот человек в сутане говорил исключительно о молчании.

- А вы замолчали? - спросил подросток.

Священник опустил на скамью рядом с ним. Положил бледные ладони на колени. Он игнорировал присутствие Карлоса, уставившись на алтарь. Там догорали свечи. Горячий воск медленно стекал по бронзовым подсвечникам, застывая прозрачными наплывами.

- Вера уходит незаметно, как остывает вода в купели. В какой-то момент ты просто касаешься алтаря и чувствуешь обычный холодный булыжник. Обычный камень. И ты понимаешь, что камни не спасают

. - Тогда зачем вы здесь? - голос Карлоса дрогнул от скрытой надежды. Мальчик отчаянно искал взрослого, способного доказать, что его собственный бунт - не зря. -

Из-за клятвы, - отрезал священник. - Из-за обещания перед алтарём, епископом и мертвецами. Слово остаётся единственной опорой, когда вера выжжена дотла. Не ты держишь его - оно держит тебя. Железным ошейником. Сутана весит слишком много, когда под ней больше нет сердца. Она превращается в саван для ещё живого человека. Ты носишь её дальше, ведь без этой ткани ты никто. Просто лжец, нарушивший обещание. А это страшнее, чем быть мёртвым при жизни.

Карлос резко поднялся. Слова застряли в горле. Внутри

подростка боролись облегчение от чужого понимания и дикий ужас. Опора, которую он считал незыблемой, шаталась на его глазах.

- Мне пора.

- Иди, - Себастьян едва заметно кивнул. - И не натягивай наушники хотя бы до конца переулка. Попробуй услышать город. В нем пульсирует жизнь. В любой музыке её меньше.

Карлос промолчал. Он толкнул тяжёлую дверь, и мадридское солнце мгновенно ударило по глазам, заставив зажмуриться. Плеер остался в кармане. Мальчик замер у порога, впитывая уличные выкрики, автомобильные гудки, шаги и чужой смех - весь этот огромный, грешный, живой хаос.

В полумраке храма священник остался один. Он снова смотрел на алтарь. Его губы беззвучно двигались. Себастьян не молился. Он механически перемалывал фразы, которые когда-то имели для него ценность. Теперь они превратились в пустой звук. Стали такими же безжизненными, как запертая на сиесту церковь или его собственное остывшее сердце.

Молитва в пустом храме всегда возвращается назад. Глухие стены просто эхолоцируют твоё собственное одиночество.

Себастьян знал это наперёд. И все равно продолжал шевелить губами. Полная остановка пугала его сильнее, чем бесконечное прозябание в этой глухой пустоте.

Стать чудовищем после потери веры - легко. Настоящая плата за выбор заключается в другом. Ты становишься мон-

стром, продолжая поминутно помнить, каково это - верить. Ты ежедневно проходишь мимо распятия, кожей ощущая мёртвый взгляд преданного тобой Бога. Себастьян сделал этот выбор. Сделал давно. Просто до сих пор малодушно отказывался признаться себе вслух.

Тьма никогда не врывается с боем. Она аккуратно садится рядом и молча сочувствует твоей потере.

В церкви восстановилась прежняя, оглушающая тишина. Себастьян пересел на то место, где минуту назад сидел подросток. Дерево скамьи ещё хранило чужое человеческое тепло. Оно остывало прямо под его ладонями.

Точно так же уходила вера.

Точно так же испарялась жизнь. Остывало абсолютно всё, чему он когда-то поклялся служить у этого алтаря.

2

Барселона, июнь 1987 года. Сиеста.

Дверь за Карлосом закрылась не сразу. Сначала протяжно закрипели старые петли - этот жалобный звук разросся под куполом до размеров чего-то огромного, живого. Затем последовал глухой удар дубовой створки о каменный косяк. Шаги подростка удалялись быстро и зло. Так шагают, когда отчаянно пытаются убежать от себя, но ноги уносят лишь от места, где тебя отказались понять. Навалилась тишина.

Себастьян остался сидеть на скамье. Он опустил в точности туда, где секунду назад кривился от злости подросток. Ноги отказывались служить. Подниматься и плестись к алтарю, где его никто не ждал, не имело ни малейшего смысла. Старый дуб потемнел от времени и тысяч ладоней, судорожно сжимавших его края в моменты крайнего отчаяния. Древесина ещё хранила тепло. Живое, человеческое тепло чужого тела, которое только что здесь дышало, злилось и боялось.

Себастьян медленно провёл ладонью по сиденью. Дуб был отполирован чужими локтями до зеркального блеска, а в пазах оставался шершавым. Чужое тепло всегда уходит слишком быстро. Сначала остывает дерево скамьи, за ним испаряется жизнь, а следом - клятвы, которые ты давал у алтаря. Он физически ощутил, как этот след чужого присутствия

тает под его пальцами. Когда тепло окончательно исчезло, остался чистый лёд.

Июньский зной за стенами плавил асфальт Барселоны, но внутренний холод Себастьяна подчинялся другим законам природы. Он никогда не уходил, просто выжидал своего часа.

Солнце замерло в зените. Сквозь толстую каменную кладку, возведённую ещё в те эпохи, когда море подступало к самому порогу, пробивался лишь отдалённый городской гул. Барселона шумела, как забытый радиоприёмник в пустом доме. Где-то там кричали торговки на Бокерии, расхваливая персики, мотоциклы с треском рвали воздух на узких улочках Равалья, а туристы ругались на резких скандинавских диалектах. Здесь, внутри, время остановилось. Себастьян отчётливо слышал, как плавится парафин и воск стекает по бронзе тяжёлыми, ленивыми слезами.

Свет проникал в храм через узкие окна под самым потолком - романские щели. В XII веке их задумывали как защиту от сарацинских стрел, а в XX они превратились в единственную защиту от мадридского солнца. Лучи падали косо, подсвечивая пыль. Она висела в воздухе неподвижно, напоминая застывшую кровь. В этих косых полосах света пылинки казались крошечными звёздами, которые давно умерли, но упрямо отказывались это признать. Себастьян отрешённо смотрел на их хаотичное кружение. Вера устроена точно так же. Ты наивно думаешь, будто она светит сама, а на деле -

лишь отражаешь чужой свет, который давно погас.

На алтаре чадили остатки свечей. Утренняя месса собралась всего несколько старух в чёрных платках. Они плелись сюда ежедневно. Дома их никто не ждал, а в этих стенах, перед распятием, оставалась законная роскошь не притворяться благополучными. Они истово молились о здоровье внуков, о снижении цен на газ и о том, чтобы соседка перестала подсыпать соль под порог от дурнейшего глаза. Себастьян машинально выслушивал их сбивчивые исповеди и согласно кивал. Эти женщины верили в сотни раз сильнее, чем он когда-либо в жизни. В их умах отсутствовали сомнения. Они просто просили в упор. Как не научившиеся бояться отказа дети.

Он снова провёл ладонью по дубовому сиденью. Чужое тепло испарилось полностью. Дерево стало таким же безжизненным, как каменные плиты пола или статуи святых, уставившиеся на него пустыми глазницами.

Себастьян прикрыл веки. Они казались налитыми свинцом - так всегда бывает после изнурительных бессонных ночей, когда часами гипнотизируешь трещины на потолке, пока внутри зарождается чужой шёпот. Бессмысленный, лишенный явной злобы или цели. Этот звук возникал лишь для того, чтобы зафиксировать: ты больше не один. Внутри поселился кто-то посторонний. Или самого Себастьяна там уже не осталось, и свободный объем занял этот монотонный гул.

Провал в воспоминания случился без кинематографиче-

ских спецэффектов. У памяти нет фоновой музыки. Зато у неё всегда есть резкие запахи, острая физическая боль и парализующий ужас от осознания, что ты снова очутился там, куда поклялся никогда не возвращаться.

Побережье Леванте, несколько лет назад

Запах солёной рыбы ударил в ноздри раньше, чем проявилась картинка. Смесь чешуи, гниющих водорослей и самого дешёвого ладана с местного рынка - на византийский у нищего прихода не водилось денег. К ним примешивался тяжёлый дух прибрежного моря. Вода намертво застаивалась в скалистых бухтах, насквозь пропитывая тиной старые, брошенные рыбаками сети.

Приход высился на обрыве, над бедным рыбацким посёлком. Разбитый асфальт начисто исчезал за три километра до центральной площади. Нищие дома лепились друг к другу, напоминая пьяных матросов, удерживающих равновесие после жестокого шторма. Стены одних построек были густо выбелены известью, слепящей глаза в полдень. Другие стояли грязно-серыми коробками с облупившейся штукатуркой, обнажавшей дикий камень. На верёвках между балконами трепетало на ветру застиранное белье - простыни и детские распашонки казались флагами сдавшихся в плен гарнизонов.

Церковь была по-настоящему старой. Время грызло её

стены зубами. Грубый булыжник кладки, узкие окна-бойницы и колокольня, лишившаяся колоколов ещё в гражданскую войну - их украли и переплавили на патроны. Вместо меди на ржавой цепи болтался кусок железнодорожного рельса. В него колотили железным прутом, созывая паству на мессу. Звук выходил глухим, коротким, напоминающим удар по пустому ведру. Прихожане не жаловались. Они привыкли абсолютно ко всему.

Внутри стоял невыветриваемый запах сырости. Камень дышал влагой. Даже в сорокоградусный летний зной под куполом держался особый холод, который быстро забирался под одежду и лип к коже. Старые фрески превратились в бледные пятна. Сырость изуродовала лики святых, сделав их похожими на прокажённых. Краска осыпалась, оставив от Богородицы и апостолов только огромные, печальные глаза. Они неотрывно следили за каждым шагом Себастьяна.

Тогда он был молодым, едва перешагнувшим двадцатисемилетие. Себастьян приехал в Леванте по распределению, словно хирург в прифронтовой госпиталь. Он трезво понимал, что чудес здесь никто не ждёт, но искренне верил, что его служение способно хоть что-то изменить. Чёрная сутана висела на его тощей фигуре мешком, парусом болтаясь в безветрие. Но он носил этот кусок ткани с гордостью. Себастьян считал сутану своей персональной броней от жестокого и грязного мира.

Позже придёт осознание: сутана защищает мир от него са-

мого, а не его от мира. Но это случится гораздо позже.

Себастьян латал прогнившую крышу храма самостоятельно. Приход погряз в нищете, нанимать кровельщиков было безумием. Он карабкался на шаткие, скрипящие леса с тяжёлым молотком и охапкой свежих досок. Внизу истоиво крестились перепуганные старухи, причитая: «Ай, святой отец, разобьёшься ведь». Себастьян упрямо вколачивал гвозди в труху, злобно шипя сквозь зубы, когда боек попадал по пальцам. Мозоли на ладонях нарастали слоями, напоминая геологическую породу. Кожа трескалась, кровоточила, засыхала от солёного ветра и лопалась по новой. Он не жаловался. Он видел в этой боли честную плату за право называться слугой Господним.

Его руки огрубели. Под ногтями намертво въелась траурная чернота от строительной грязи. Прикасаясь к Святым Дарам или поднимая чашу с вином, Себастьян панически боялся брезгливых взглядов паствы. Ему казалось, люди увидят эти грязные пальцы и отвернутся. Но прихожане покорно молчали. В этих изувеченных трудом ладонях пульсировало больше живой любви, чем в холеных руках городских прелатов, не державших ничего тяжелее позолоченного требника.

По вечерам, когда в посёлке гасли окна и за стенами оставался только монотонный рёв прибоя, Себастьян молился. Он полностью исключил казённое чтение по обязанности, стоя у аналоя. Он просто опускался прямо на голый пол кельи, прижимался лопатками к ледяной каменной кладке и

вёл с Богом диалог. Напрямик. Как с отцом, которому позволено высказать обиду, пожаловаться на бессилие или молча потребовать совета.

«Господи, - шептал он в темноту, - эти бедолаги несут к алтарю последние песеты. Они сами недоедают, но покупают грошовые свечи ради твоего образа. Люди цепляются за распятие исключительно от ужаса перед реальностью. Им жизненно необходим хоть кто-то, кто пообещает остановить их персональный ад. Помогите им, Господи. Моих рук на всех не хватает».

В ту пору Себастьяну чудилось чужое присутствие. Бог не являл знамений и не подавал голоса. Становилось просто легче. словно с плеч сбрасывали набитый речным песком мешок. Он искренне принимал этот покой за божественный ответ.

Разницу между лечащей тишиной и мёртвым вакуумом он узнает гораздо позже. И поймёт: все эти годы он кормил себя чистейшим обманом.

Инес родилась в конце октября. Море неистовствовало, волны крушили скалистый берег с оглушительным грохотом. Океан словно вознамерился стереть рыбацкий посёлок с лица земли. Шквальный ливень хлестал трое суток без перерыва. Улицы затопило по щиколотку. Приходские старухи зловеще шептались по углам: роды в подобное ненастье - скверный знак. Небо заранее оплакивает судьбу новорожденной.

Себастьян узнал о начале родов на рассвете. Соседка прибежала в храм, накинув на плечи мужскую штормовку и удерживая над головой дырявый зонт. Промокшая до нитки женщина сбивчиво объясняла: роженица мучается двенадцатый час, повитуха опустила руки. Шансов выжить нет ни у матери, ни у плода

. - Идите, отец Себастьян, ради всего святого, - умоляла соседка. - Она звала вас. Твердит, что ваша молитва дойдёт до Господа быстрее.

Себастьян проигнорировал рясу. Набросил куртку, сунул в карман походное распятие и бросился наружу. Струи ливня мгновенно ослепили. Ноги скользили по раскисшей глине. Он трижды рухнул в темноте, в кровь разбив колено, но упрямо бежал вперёд.

Внутри лачуги пахло кровью, едким потом и первобытным ужасом. Этот запах въедается в комнаты, где жизнь на смерть бьётся со смертью за право остаться. Роженица пластом лежала на матрасе. Бледная, с намертво прилипшими к лицу прядями мокрых волос. Рядом суетилась местная повитуха - приземистая баба, принявшая сотни младенцев. Сейчас ее лицо перекосило от страха.

- Не идёт, - буркнула она вместо приветствия. - Плод застрял. Я перепробовала вообще всё.

Себастьян шагнул к постели и перехватил запястье женщины. Кожа полыхала. Жар оказывался слишком сильным для стремительно теряющей силы роженицы. Лихорадка

вступала в свои права.

- Я здесь, - Себастьян сжал ее пальцы. - Ты не одна.

- Отец, - едва слышно выдохнула женщина, - смерть меня не пугает. Я панически боюсь, что она умрёт до рождения.

- Она родится, - отчеканил он, маскируя внутреннюю панику. - Ты справишься. Бог милостив.

- Бог, - на губах роженицы проступила бледная, горькая усмешка. Себастьяну стало не по себе. - Он уже похоронил двоих моих первенцев. С какой стати ему щадить третью?

Ответа у него не нашлось. Себастьян молча извлёк металлическое распятие, опустил его на вздымающийся живот женщины и начал читать молитву. Из памяти мгновенно вылетели все латинские формуляры семинарии. Молитва рождалась прямо в солнечном сплетении - глухой, яростный язык человека, осознавшего абсолютное бессилие перед вечностью

.«Господи, - хрипел он, - оставь этого ребёнка. Не трогай эту женщину. Они выплакали все слезы. Еще одну смерть приход просто не переживет. Я её не переживу».

Слезы катились по его лицу, смешиваясь со струями дождевой воды на коже. Он перестал стыдиться слабости.

Инес закричала спустя час. Младенческий рёв оказался настолько пронзительным, что хлипкие стены лачуги словно содрогнулись. Повитуха судорожно крестилась и хохотала одновременно. Она подняла окровавленный свёрток над кроватью:

- Девочка! Живая! Вся в тебя, дурёха!

Мать разрыдалась. Себастьян застыл в углу комнаты, размазывая слезы по щекам и созерцая свершившееся вопреки законам природы чудо. Молитва дошла по адресу. Потребовалось много крови, но небо откликнулось.

Крамольная, тёмная мысль обожгла сознание, но Себастьян торопливо заставил себя замолчать. Праздновать триумф жизни в такой день следовало без сомнений.

На крещение Инес принесли на третий день. Мать едва оправилась после тяжёлых родов. Она передвигалась медленно, опираясь ладонью о каменные выступы стен. Каждый шаг стоил ей огромных физических усилий. Женщину гнал вперёд панический страх: без святой воды дитя не протянет долго. За её плечами уже чернели два маленьких надгробия. Первый младенец скончался от внезапной лихорадки в три месяца - затих во сне и перестал дышать. Второй появился на свет мёртвым, ему даже успели дать имя вдогонку. Каждая последующая беременность превращалась для неё в глухую, яростную войну с небом. В немую мольбу оставить ей хотя бы одну живую душу.

Отца Инес Себастьян запомнил по рукам. То были канонические руки потомственного рыбака. Кожа намертво пропиталась солью. Морская соль въелась в поры так глубоко, что её отказывались вытравливать мыло и концентрированный щёлоч. Под ногтями чернела вековая кайма - следствие круглосуточной возни с мокрыми сетями и свинцовыми гру-

зилами снастей. Изрезанные бечёвкой мозоли покрывали ладони толстой, ороговевшей чешуёй. Удерживая новорожденную дочь, эти гигантские руки мелко дрожали. Мужчиной правил дикий страх. Он боялся поцарапать грубыми пальцами фарфоровую плоть, боялся сжать слишком сильно и переломить хрупкие кости. Боялся, что девочка мгновенно испарится, как остывающий предрасветный сон.

Мать стояла бледная, с затравленным, абсолютно неживым взглядом. На её лице отпечаталась специфическая усталость людей, которые слишком часто обжигались о ложные надежды. Она не улыбалась. Женщина гипнотизировала взглядом дочь, словно та была последней спичкой в промокшем коробке. Спичкой, после угасания которой навалится окончательная, вечная тьма.

На Себастьяна она смотрела как на верховного заступника. В её понимании молодой священник являлся последней инстанцией. Адвокатом, обязанным переубедить безжалостного судью наверху и аннулировать смертный приговор.

- Как назвали? - спросил Себастьян, хотя накануне прихожане уже доложили ему имя.

- Инес, - выдохнула мать. Её голос звучал приглушенно. Так говорят люди, панически боящиеся привлечь внимание того, от кого правильнее всю жизнь прятаться. - В честь бабки. Та разменяла десятый десяток и угасла не от немощи. Просто решила, что пришла пора. Я прошу у неба такой же доли для дочери. Чтобы она не испытывала страха перед

смертью и не бежала ей навстречу.

- Сильное имя, - Себастьян согласно кивнул. - У неё будет долгая жизнь.

Купель высилась у самого окна, куда проникал блёклый, рассеянный свет. В этих тусклых лучах потемневшая медь отливала глубоким золотом старинной патины. Металл тлел изнутри, напоминая угли под слоем серого пепла. Накануне Себастьян лично драил этот резервуар речным песком с крупной солью, добываясь ровного матового блеска. Ему отчаянно хотелось обставить таинство красиво. Творец безразличен к земной мишуре. Себастьян старался ради испуганной матери. Он мечтал подарить ей праздник, вытеснив из её памяти ритуал, продиктованный животным страхом за жизнь младенца.

Вода казалась привычно прохладной. Каменная кладка храма круглый год аккумулировала прибрежную сырость. Однако в секунду, когда Себастьян погрузил ладонь в купель, пальцы обожгло чистым льдом. Вода резала кости. Специфический, парализующий холод родниковых ключей глухой зимой, от которого мгновенно отнимаются кисти.

Он рефлекторно отдёрнул руку. Лёгкое судорожное подрагивание пальцев вышло почти незаметным для стоявших рядом родителей. Но сам Себастьян зафиксировал этот сбой. И похолодел изнутри.

«Что со мной?» - забился в голове короткий пульс. - Нервы. Вечный недосып, бесконечный ремонт кровли. Нужно пре-

кратить зацикливаться на собственной усталости».

Он опустил руку повторно. На сей раз купель встретила его обычной, умеренно прохладной октябрьской водой. Навяждение исчезло.

Косой солнечный луч пробил засиженное мухами, покрытое паутиной и пузырьками стекло. Окна здесь не мыли со времён основания прихода. Свет скользнул по медному борту, заставив металл вспыхнуть. Острая вспышка рикошетом ударила Себастьяну прямо в глаза. Ослепительно. Больно. Словно швейную иглу с размаху вогнали в зрачок.

Он зажмурился. Под веками мгновенно закружились фиолетовые и грязно-оранжевые круги, похожие на радужную бензиновую плёнку в луже. Себастьян мотнул головой, сбрасывая морок.

- Отец Себастьян? - окликнула его мать, заметив его заминку. - Вам нехорошо?

- Пустяки, - он выдавил дежурную улыбку, разглаживая лицо. - Все в порядке. Просто солнце ослепило.

Себастьян зачерпнул освященную воду серебряным ковшом, приблизившись к Инес на руках повитухи. Девочка спала глубоким, безмятежным сном. Младенцы пребывают в абсолютном покое, пока не подозревают о жестокости встретившего их мира.

- Ego te baptizo in nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti, - древние латинские слова зазвучали под сводами старого, продуваемого штормами прихода уверенно и чисто. Се-

бастьян пел эту молитву. Он вкладывал в неё всю свою любовь, надежду и первоизданную веру.

Капли воды коснулись лба Инес. Девочка мгновенно распахнула глаза. Огромные, тёмные, они светились пугающим взрослым вниманием. Малышка гипнотизировала Себастьяна, словно намертво фиксировала его лицо в памяти.

- Смотри-ка, не плачет, - тихо изумилась повитуха. - Обычно прихожане от младенческого крика глохнут.

- Она чувствует себя в безопасности, - Себастьян бережно перехватил свёрток.

«Самое тяжёлое в служении - видеть, как в чистых глазах ребёнка уже зарождается тень будущих взрослых страданий».

Тяжёлая мысль обожгла сознание, но он привычно запер её внутри. Праздник крещения требовал пастырского спокойствия.

Вес младенца казался неосязаемым. Крошечная живая душа, запертая в хрупкий каркас из тонких костей и горячей крови. Но в этой невесомости концентрировался весь мир: суеверный страх матери, немая молитва измученного отца и глухая надежда нищего прихода на то, что Инес задержится на земле дольше своих умерших братьев.

Себастьян держал её с максимальной осторожностью. Его изувеченные физическим трудом, потрескавшиеся от соли и песка пальцы едва касались тонкой фланелевой пелёнки. Под тканью отчаянно и быстро билось крошечное сердце.

. - Инес, - едва слышно прошептал он ей в лицо. - Теперь ты под защитой.

В тот октябрьский день он не сомневался в силе своих слов. Себастьян свято верил, что капли святой воды возвели вокруг ребёнка невидимую нерушимую цитадель, способную отразить любую болезнь, несчастный случай или людскую злобу. Бог принял его яростную, оплаканную молитву у постели роженицы. Небо дало добро.

Он верил в это без оглядки.

Люди цепляются за распятие исключительно от ужаса перед реальностью. Им жизненно необходим хоть кто-то, кто пообещает остановить их персональный ад. Себастьян посмотрел на измождённую мать, на чьих губах впервые за долгое время проступила робкая улыбка.

Он взял на себя роль того, кто гарантирует это спасение. И сам безоговорочно верил собственным обещаниям.

После крещения последовал ужин. Стол накрыли по-рыбацки бедно: варёная треска с картофелем, чёрствый хлеб, оливки и молодое вино. Отец Инес берег эту бутылку для исключительного повода. Пили из глиняных кружек, покрытых трещинами и грубо склеенных смолой. Кисловатый вкус молодого вина искупал убожество посуды. В комнате смеялись. Местные наперебой обсуждали красоту Инес, пророчили ей упрямый отцовский характер и надеялись, что наступающий год принесёт больше улова.

Себастьян занимал почётное место во главе стола. Он ис-

кренне чувствовал себя частью этого дома. Его позвали разделять радость без дежурной вежливости. Его присутствие делало праздник настоящим

. - Отец Себастьян, - рыбак поднял свою кружку. - За дочку. И за вас. Вы вытащили её с того света. - Это воля Божья, - ответил Себастьян.

- Вы стали орудием этой воли, - упрямо настаивал мужчина. - Вы не отступили перед лихорадкой. Вы молились до утра. Вы остались с нами.

Себастьян открыл рот для возражения, но промолчал. Он молча впитал чужую благодарность. В эту секунду в глубине его сознания зашевелилось нечто чужеродное. Едва уловимое, тёмное, затаившееся до нужного часа.

«Святость требует ежедневных жертв, но первыми на этом алтаре сгорают жалость и рассудок».

Он торопливо заглушил эту мысль глотком вина. Разгладил лицо и снова заставил себя улыбнуться.

Поздним вечером Себастьян заперся в своей келье. Крошечный замкнутый объем: голые, побелённые извёсткой стены, деревянный топчан с набитым соломой матрасом и простое распятие над изголовьем. На рабочем столе лежали бумаги, богослужебные книги и пустая кружка. Спартанский быт полностью устраивал его. Дополнительные блага ему не требовались.

3

Побережье Леванте, пять лет спустя. Лето.

В воздухе Леванте пахло грозой, но мы упорно продолжали делать вид, что это просто обычный вечерний туман. Солнце заваливалось за скалистый горизонт, выбрасывая косые, предсмертные лучи. Морская гладь потеряла синеву, налившись тяжёлой, ртутной плотностью. Вода казалась мёртвым расплавленным металлом, который кто-то ровным слоем вылил в бухту. На самом краю неба напоззали тучи - иссиня-черные, с рваными багровыми краями. Огромный кровоподтёк на небосводе предупреждал о катастрофе, о которой не принято распространяться вслух.

Посёлок выкачивал из уходящего дня последние крохи привычной суеты. Внизу, у пирса, мужчины затягивали узлы на прогнивших снастях, лениво матерясь из-за копеечных долгов за вчерашнее пойло. Сапоги рыбаков облепила подсыхая чешуя и серая склизкая тина. С грохотом перетаскивались деревянные ящики с утренним уловом. Воздух намертво пропитался солью, гниющими водорослями и потрохами. Над мачтами нарезали круги жирные чайки. Их резкие, металлические крики резали уши - птицы яростно торговались с портом за каждую выброшенную сардинью голову.

Себастьян неподвижно сидел за угловым столом на террасе таверны. Над его головой раскинуло узловатые ветви старое, засыхающее инжирное дерево, намертво перекрывая остатки дневного света. Деревянная вывеска с надписью «Усталый матрос» давно облупилась под палящим солнцем. Нарисованный на ней синий якорь от времени потерял форму, напоминая теперь гигантский мясной крюк для разделки туш. Под тростниковым навесом, сухо шуршащим от малейшего сквозняка, теснились три стола. Дешёвая клеёнка в красную клетку под пальцами казалась липкой от пролитого дешёвого хереса и оливкового масла. Местные не обращали внимания на грязь. Жители Леванте вообще разучились брезговать. Жалобы здесь считались непозволительной роскошью - привилегией тех, у кого не текла черепица, в кладовой лежал окорок, а сыновья не остались кормить рыб после прошлого осеннего шторма.

Перед священником остывала крошечная фаянсовая чашка. Чёрный кофе больше напоминал жидкую смолу. Местный хозяин заваривал гущу спозаранку, и к вечеру напиток превращался в тягучую, горькую жижу, которую приходилось с трудом сглатывать. Себастьян цедил эту горечь машинально. За пять лет в Леванте рецепторы притупились, уступив место привычке. Он научился не замечать вечный сквозняк под куполом своего прихода. Привык к тому, что на пожертвования прихожан невозможно купить даже дюжину нормальных свечей - люди расплачивались за причастие

вяленной рыбой и солёными оливками. С каждым годом его личные молитвы становились все короче, а звенящая пустота между фразами - глубже и длиннее.

За соседним столом с треском летели на клеёнку игральные карты. Старая засаленная колода с загнутыми, потрепанными углами переходила из рук в руки с такой яростью, словно мужчины разыгрывали собственное право на жизнь, а не жалкие, стёртые песеты. Коренастый Луис, чьё лицо оспа превратила в подобие лунной коры, сдавал с особым, цыганским шиком. Его мускулистые руки, покрытые синими тюремными татуировками времен службы на торговых баржах, мелькали в полумраке, как два серых крыла.

- Три очка, - Луис швырнул на липкую клеёнку короля и даму. Он глубоко затянулся самокруткой. Из серой бумаги повалил удушливый шлейф контрабандного табака, купленного за углом порта. - Гоните песеты, cabrones (козлы).

- Придержи коней, - осадил его Маноло. Старик прищурился, его изрезанное морщинами лицо напоминало дуплистую кору вековой сосны. - Твоя дама больше похожа на портовую порнозвезду, чем на королевскую особу. Я ещё посмотрю на твой выигрыш, когда ветер сменит направление.

Разговор за столом мгновенно перетёк в яростный ор о футболе. «Валенсия» с треском слила матч «Барселоне», и этот проигрыш местная голытьба обсуждала громче, чем грабительские поборы перекупщиков за килограмм свежей сардины. Луис с размаху припечатал кулак к столу. Гранё-

ные стаканы подпрыгнули. Темно-красная жидкость хлынула через край, мгновенно заполнив сетку мелких трещин на пластиковой скатерти.

- Судью купили! - хрипел Луис, брызгая слюной. - Его купили ещё в раздевалке, до первого свистка!

- Да при чем тут свисток? - Маноло смачно сплюнул на земляной пол таверны. - Нападающие еле волочили ноги. Я сам видел трансляцию в Мадриде. У них вместо мускулов - варёные макароны.

Себастьян цедил остывающую кофейную смолу и ловил себя на странном покое. Этот бытовой, приземлённый шум без капли теологического надрыва лечил его. Здесь отсутствовали Бог, дьявол и вечные вопросы без ответов. Обычные мужики насмерть спорили о вещах, которые на самом деле не стоили и ломаного гроша. В этой простоте крылась особая, животная мудрость. Он начал осознавать её только теперь, когда былая вера перестала греть изнутри, а тяжёлая сутана сидела на худых плечах как чужое, украденное пальто.

Люди цепляются за распятие исключительно от ужаса перед реальностью. Но иногда они с тем же успехом цепляются за футбол, засаленные карты или стоимость рыбьего ведра. В спортивном табло присутствовала окончательная, финальная ясность. В отличие от молитвы, где ты до кровавого пота кричишь в пустоту, никогда не зная, сняли на том конце провода трубку или линия оборвана навсегда.

Себастьян лениво потянул к себе обрывок брошенной кем-то утренней газеты. Бумага была измята, покрыта бурыми кофейными кругами и жирными отпечатками пальцев. Он бегло просмотрел заголовки. Шрифты мадридской хроники орали о вандализме на кладбище Поблену в Барселоне. Неизвестные перевернули тяжёлые мраморные плиты, вывели сажей пентаграммы на стенах фамильных часовен и вырвали позолоченные распятия с могил старых прелатов. Муниципальная полиция сухо рапортовала: инцидент не похож на обычную пьяную выходку. Следствие отработывало версию ритуального культа.

Чуть ниже, в самом подвале полосы, притаился короткий абзац о пропавших подростках. *Шестнадцать, семнадцать и девятнадцать лет. Вышли из ночного клуба в районе Грасия и растворились в темноте. Семьи требовали задействовать Гражданскую гвардию, инспекторы привычно разводили руками.* Текст занимал всего пару строк без деталей и фотографий. Подобный фактаж стремительно превращался в рутину. Репортёры больше не выносили эти исчезновения на первые полосы, задвигая человеческое горе вглубь криминальных сводок - поближе к кражам велосипедов и поножовщинам в портовых борделях.

Себастьян брезгливо отпихнул газетный обрывок и втянул в себя остатки кофейной гущи. Род вёл себя предсказуемо - нёс чистую горечь. В этой дыре горчило абсолютно всё: напитки, утренние известия, собственные мысли. Газетчи-

ки явно раздували масштаб трагедии ради копеечной выгоды. Тиражи требовали регулярной подпитки свежей кровью. Обывателя следовало круглосуточно держать на поводке из страха, чтобы он покупал свежий выпуск, тешил иллюзию информированности и исправно кормил внутренних демонов.

Сатанинская паника на улицах - это просто зеркало. Толпа увидела там свои потаённые желания и испугалась. Никто добровольно не признает очевидного: Тьма, которую они судорожно выискивают по углам у чужих людей, давно прописалась в их собственных спальнях.

На засиженном мухами подоконнике, прямо возле горшка с сухим костью герани, хрипел старый транзисторный приёмник. Аппарат исходил треском и помехами. Сквозь белый шум пробивался монотонный, сонный бубнёж диктора: в столице полиция выставила оцепление вокруг сгоревшей церковной лавки, епископат Леванте выразил официальную обеспокоенность чередой вандализмов, а министр внутренних дел в очередной раз призвал нацию не поддаваться истерии. Речь чиновника увязала в табачном дыму. Ни один человек на террасе не повернул головы к окну. Луис и Маноло продолжали самозабвенно орать про купленного судью. Государственное радио служило для них такой же бесплатной акустической мебелью, как прибор или портовые птицы.

Себастьян зацепился за их глухоту: *«Вдруг эти мужлань правь? Вдруг весь этот шум уляжется, едва сменится роза*

ветров? Что, если Творец действительно держит руку на пульсе, а мы просто ослепли от сиюминутной суеты?»

На самом дне сознания мгновенно зашевелился червь. Он не показывался наружу, но Себастьян физически ощутил это скользкое, слепое движение под рёбрами. Так кожей чувствуют чужое присутствие в абсолютно тёмной, запертой комнате. Ты ещё не видишь лица гостя, но затылком знаешь: **ты больше не один.**

И тут сквозь хрипы транзистора и пьяную ругань рыбаков прорезался сухой, ритмичный стук. Деревянные подошвы детских башмачков яростно колотили по каменным плитам террасы.

- Отец Себастьян! Отец Себастьян!

Инес ворвалась под тростниковый навес, как порыв шквального ветра. В свои пять лет девчонка обладала такой ядерной энергией, что могла в одиночку разогнать вечный мрак этого нищего, выцветшего побережья. На ней болталось хлопковое платье. Когда-то давно ткань была белой, но сейчас покрылась серой уличной пылью и липкими жёлтыми пятнами от спелых апельсинов, которые Инес уничтожала килограммами. Смоляные волосы торчали жёсткими вихрами в разные стороны. Девчонка маниакально презирала расчёски, предпочитая носиться по портовым задворкам растрёпанной фурией. Местные старухи регулярно качали им вслед головами, каркая под нос: *«Не к добру девка растёт, не к добру».*

Она с разбегу влетела в его стол, мёртвой хваткой вцепилась в липкий край клеёнки и повисла на деревянном бруске, качая худыми ногами.

- Ты чего так расшумелась? - Себастьян торопливо отодвинул фаянс, спасая остатки кофейной гущи от её неуклюжего рывка. - Взрослые отдыхают, Инес.

- А я не взрослая, - девчонка дерзко сверкнула смоляными глазами. - Мне можно шуметь

. - Удобная позиция, - Себастьян невольно усмехнулся.

Инес молниеносно выдрала из его пальцев старые деревянные чётки. Потертые бусины он перенизывал на новую суровую нитку уже трижды. Механический перебор этих деревяшек давно превратился в навязчивый жест - пальцы скользили по дереву всякий раз, когда мысли начинали хаотично разбегаться вхолостую.

- Верни, - беззлобно приказал он, протягивая руку. - Это не игрушка.

- А что это? - Инес принялась крутить чётки перед носом, как дешёвую портовую погремушку.

- Инструмент для счета молитв

. - А зачем их считать?

- Чтобы их набралось много, - Себастьян попытался отделаться простой формулировкой.

- А когда их много, Бог лучше слышит?

Себастьян оцепенел. Короткий детский вопрос застрял под дых почище тяжёлого кастета. Пятилетняя девчонка

непроизвольно выдала формулу, над которой веками бились седые ватиканские теологи на кафедральных экзаменах.

- Слышит любую, - глухо выдавил он после затянувшейся паузы. - Даже если она одна-единственная.

- Зачем тогда тебе столько бусин? - Инес ловко намотала шнур на крошечное запястье, превращая чётки в громоздкий браслет.

Ответа не нашлось. Себастьян просто молча качнул головой, пряча глаза.

- Ты философ, Инес.

- Нет, - девчонка мгновенно посерьезнела. - Я просто проголодалась. Дай хлеба.

За соседним столом смачно загоготал Луис, сдавая карты: - Святая вода, отец Себастьян, не только грехи смывает, но и язык точит. Эту егозу на кривой кобыле не объедешь. - Главное, что её не обманешь, - отозвался священник.

Он отломил толстую горбушку от вчерашней, успевшей зачерстветь буханки и протянул ребёнку. Инес мёртвой хваткой вцепилась в корку, с хрустом вонзила в неё зубы и блаженно зажмурилась. Словно перемалывала не копеечный черствый мякиш, а спелый райский плод, случайно упавший с неба прямо в ее ладони.

- С отцом на лодке сегодня ходила? - спросил он, наблюдая за её быстрыми челюстями.

- Ходила, - Инес согласно закивала, проглатывая кусок. - Три рыбины вытащили. Одну огромную, а две совсем ма-

ленькие. Мама пицчала, что маленьких жалко, надо отпустить. А папа сказал, раз они уже сдохли в сетях, жалеть поздно - надо есть.

- Логично, - заметил Себастьян.

- Папа просто голодный был, - отрезала Инес, слизывая крошки с ладошки. - Когда пузо пустое, жалелка не работает.

Маноло поперхнулся вином, зайдясь в сухом, лающем кашле.

- Вот это философия, - прохрипел старик, вытирая губы тыльной стороной заскорузлой, пропитанной солью ладони. - Из меня бы такое и к концу жизни не вытрясли. А она сказала. Пять лет ребёнку, подумать только.

- Дети видят то, что мы разучились замечать, - Себастьян тихо опустил чашку на стол. - Им не нужно разбирать мир на части, чтобы понять его суть. Достаточно просто посмотреть.

Инес между тем умудрилась вымазать лицо в хлебных крошках. На ее бледной щеке темнела жирная полоса - след от оливкового масла. Она крутилась на месте, ритмично ударяя подошвами деревянных башмачков по каменным плитам террасы: *тук-тук-тук-тук*. Звук напоминал чечетку. Малышка отбивала этот сухой, лихорадочный такт так, словно транслировала музыку, звучащую исключительно в её голове.

Себастьян слушал этот стук, и затылком чувствовал, как из воздуха уходит остатки тепла. Дерево о камень. *Тук-тук-тук-тук*. Звук отсчитывал секунды до взрыва. Словно

вкрадчивые шаги в темноте, когда самого преследователя ещё не видно, но ты уже кожей чувствуешь его приближение.

- Отец Себастьян, ты чего замер? - Луис оторвался от карт, разглядывая его неподвижное лицо. - Муха в кофе упала?

- Нет, - Себастьян тряхнул головой, сбрасывая оцепенение. - Просто... показалось.

Он перевернул чашку, допив остывшую гущу одним глотком. Горький осадок обжег гортань.

- Инес, - позвал он, поднимаясь со скамьи. - Пойдем, я провожу тебя к дому. Уже поздно. Скоро сумерки.

- А ты боишься темноты? - девочка лукаво прищурилась, наклонив голову набок.

- Темноты нет, - Себастьян застегнул сутану. - Но я боюсь, что твоя мама меня убьёт, если ты потеряешься в порту

. - Мама никого не убивает, - Инес звонко рассмеялась, крутанувшись на пятке. - Она даже рыбу не режет. Это папа режет. У него большой нож.

- Тогда просто пойдём, - Себастьян протянул ей руку.

Она проигнорировала ладонь, крепко ухватившись за его указательный палец. В сгущающемся вечернем тумане они выглядели странно: высокая, костлявая фигура священника в грубом чёрном облачении и маленькая девочка в сером ситцевом платье, которая держалась за него, как за единственную нерушимую опору на этом берегу.

Дом рыбака стоял на самой окраине, у кромки прибоя. Побелённые известью стены на закате розовели, впитывая

прощальные лучи солнца. В тесном дворике на верёвках висели грубые снасти и сушились выцветшие футболки. В углу, в покосившейся деревянной клетке, замер петух. Птица второй день отказывалась от корма, неподвижно созерцая двор с усталым, почти человеческим презрением.

Себастьян довёл Инес до калитки, но заходить внутрь не стал.

- Завтра загляну, - произнес он, опуская ладонь на ее плечо. - Скажи отцу, нужно обсудить ремонт церковной кровли.

- Скажу, - Инес согласно кивнула. - А завтра ты принесешь хлеб?

- Хлеб?

- Ну да. Сегодня ты пришел с хлебом. Завтра принесешь? Он мягко улыбнулся.

- Принесу. Обязательно с хлебом.

- Хорошо, - девочка резко развернулась и бросилась к крыльцу, с грохотом захлопнув за собой дверь.

Себастьян помедлил у забора, вслушиваясь в доносившиеся изнутри приглушённые звуки: мягкий, обеспокоенный голос матери и хриплый, утомленный ропот отца. Затем развернулся и двинулся к своему приходу.

Воздух становился плотным, осязаемым. С моря напал густой туман. В этой белесой пелене редкие огни посёлка казались призрачными, зыбкими, готовыми в любую секунду погаснуть и оставить побережье в абсолютной темноте. Себастьян ускорил шаг, но сумерки сгущались быстрее. Тьма

накрыла его у самого порога храма, когда он судорожно перебирал ключи в кармане сутаны.

Внутри он затеплил всего одну свечу. Одинокий огонёк задрожал, словно пугаясь собственного присутствия в огромном пустом нефе. Снаружи глухо рокотал океан, и откуда-то из глубины посёлка доносился редкий, тоскливый собачий лай.

Себастьян опустился на колени у соли. Молитвенные фразы не шли на ум. Он просто сидел на ледяных плитах, привалившись лопатками к каменной стене, и заворожённо гипнотизировал пламя свечи.

Он потерял счёт минутам, растворившись в этом оцепенении. Время словно вытекло из здания. И вдруг тишину разорвал стук. Ритмичный, сухой, отдающийся не в ушах, а под самыми рёбрами, прямо в сердце.

Тук-тук-тук-тук.

Себастьян рванулся вверх. Дыхание перехватило, пульс дикими ударами забил в гортань. Он бросился к выходу и с силой распахнул тяжёлую дубовую створку.

На пороге стоял отец Инес. Кожа рыбака сделалась серой, как остывающий пепел, а в глазах застыл дикий, первобытный ужас ребёнка, узревшего нечто недопустимое. От мужчины пахло солью, сыростью и острым человеческим страхом.

- Отец Себастьян, - выдохнул он, и этот надрывный, сорванный звук едва ли напоминал его прежний голос. - Ско-

рее. Идемте. С ней... с ней творится что-то страшное.

Себастьян не стал тратить секунды на расспросы. Он лишь плотнее перехватил ворот сутаны - оказалось, он так и не снял её после возвращения, - и рванулся наружу. Он бежал сквозь глухую прибрежную тьму, вслепую спотыкаясь о придорожные валуны. Ноги не чувствовали ударов, разум отказывался фиксировать ночной холод и страх. Священником двигала исключительно слепая инерция: скорость бега сейчас равнялась спасению ребёнка, которого он когда-то лично омыл святой водой и чью безопасность обещал перед небом.

Дверь лачуги была сорвана с петель и подперта изнутри ржавым багром. В комнате пахло пропотевшей шерстью, уксусом и удушливым, металлическим запахом свежей крови - мать Инес до мяса расцарапала себе щеки. Она сидела прямо на земляном полу у порога, обхватив колени и монотонно билась затылком о косяк. С каждым ударом её серый платок съезжал на плечи. В углу, зажатая между сундуком и стеной, стояла её старшая дочь. Двенадцатилетняя девочка так сильно вдавила зубы в нижнюю губу, что тёмная струйка уже залила ей подбородок и капала на воротник рубахи.

Себастьян шагнул к матрасу и заставил себя смотреть.

Инес не просто лежала. Её маленькое тело выгнулось дугой, опираясь на постель только затылком и пятками. Пятилетние ребра обтянуло кожей так сильно, что под ситцем платья проступил каждый хрящ. Пальцы на её левой руке неестественно вывернулись наружу, ногти впились в ладонь

с сухим треском. Из открытого рта девочки шёл частый, свистящий хрип - воздух с трудом пробивался сквозь плотно сжатые зубы, выталкивая хлопья сероатой пены на подбородок. Её веки были вывернуты вверх, обнажая белки с сеткой лопнувших красных сосудов.

Себастьян рухнул на колени, едва не раздробив чашечку о голый пол. Он протянул руку и прижал пальцы к её лбу. Кожа ребенка не просто горела - она вибрировала от бешеного пульса под висками. Себастьяну показалось, что он коснулся раскалённого железного листа на кухонной плите. От этого жара у него самого мгновенно вспотели ладони.

- Инес, - он схватил её за левое запястье, пытаясь распрямить вывернутые пальцы. - Инес, посмотри на меня. Это я. Я принёс хлеб.

Кости девочки не поддались. Себастьян потянул сильнее, но хрупкая детская рука казалась литой, железной, налитой неподъемной, чужой тяжестью. И ладонь ребёнка была ледяной. Этот холод мгновенно пробил его кожу, поднялся по предплечью и иголкой кольнул под сердцем. Точно так же пять лет назад ледяная стужа на дне медной купели заставила его отдернуть руку. Теперь этот лёд жил внутри Инес.

Горящая голова и мёртвые, окоченевшие пальцы. Девочку рвало надвое: половина её тела полыхала в огне, половина - замерзала в гробу. В расширенных, застывших зрачках ребёнка неподъемно дрожало отражение сальной свечи. Себастьяну почудилось, что он смотрит в колодезь, на дне кото-

рого колышется чёрная, стоячая вода.

Он рванул ворот сутаны, выпрастывая наружу металлическое распятие. Пальцы скользили по серебру, пот заливал веки, мешая видеть.

- *Pater noster, qui es in caelis...* - латынь вырвалась из его горла сиплым, испуганным лаем.

Он читал, почти вбивая слова в лицо ребёнка, заставляя себя верить, что эти фразы ещё имеют силу. Он повторял «*adveniat regnum tuum*», сжимая распятие так крепко, что острые края креста прорезали его старые строительные мозоли, и по ладони поползла тёплая кровь.

И вдруг чечётка её рёбер остановилась. Воздух в лачуге стал плотным, как овечья шерсть. Оглохло всё. За открытым окном, где секунду назад ворочался океан и кричали портовые чайки, наступила абсолютная, противоестественная тишина. Словно весь Леванте накрыли стеклянным гробом.

Челюсть Инес с сухим щелчком захлопнулась, а затем снова поползла вниз. Губы задвигались, едва слышно шлёпая друг о друга.

И она заговорила.

Голос оставался детским и звонким. Но слова, которые вылетали из этой крошечной гортани, принадлежали искушённому теологу. Она чеканила латынь без единой запинки, со страшной, мёртвой скоростью.

- ... *Spiritus Sancti, et Filii, et Patris.*

.Себастьян перестал дышать. Каждое священное слово ле-

тело задом наперёд, искромсанное, вывернутое наизнанку. Слоги «*Sanctificetur nomen tuum*» превратились в мерзкое, змеиное шипение. Этот детский тембр, перемалывающий древнее проклятие, ударил Себастьяну по барабанным перепонкам с такой силой, что у него зазвенело в ушах, а перед глазами поплыли фиолетовые масляные круги

. - Прекрати... - Себастьян попытался накрыть её рот окровавленной ладонью, но рука онемела, не подчиняясь. - Инес, остановись...

Девчонка не моргала. Её пустые, стеклянные глаза смотрели сквозь его плечо, прямо в стену.

Сзади раздался глухой хруст - рыбак рухнул коленями на земляной пол, лопатками вжавшись в извёстку и с такой силой прижал к себе старшую дочь, что та задохнулась и беззвучно забилась в его руках. Мать девочки завывала. Это не было человеческим плачем - из её рта вырвался дикий, животный скулёр, какой издают суки над раздавленными щенками.

А ребёнок продолжал изрыгать перевёрнутые фразы. Канонический текст ломал пространство лачуги, и Себастьяну физически казалось, что низкие потолочные балки начинают медленно проседать, заколачивая их всех в этой комнате, как в ящике для снастей. В этот момент злая, ясная мысль обожгла его мозг: он сам привёл это сюда. Пять лет назад он струсил, замаскировал ледяной шок в купели под обычную усталость, чтобы не разрушать свой сытый, уютный покой.

В воздухе Леванте пахло грозой, но мы упорно продолжали делать вид, что это просто обычный вечерний туман.

Инес замолчала на полуслове. Её челюсть закрылась с коротким стуком. Выгнутая дугой спина мгновенно обмякла, голова тяжело покатилась по соломенному матрасу. Дыхание девочки выровнялось, став глубоким и редким. Зрачки сузились. Она просто спала спокойным, безмятежным сном здорового ребёнка.

Себастьян так и остался стоять на коленях, его пальцы до сих пор судорожно сжимали её окоченевшие запястья. Он смотрел на бледное лицо и понимал, что не может вспомнить ни одной молитвы. В голове было пусто. Потому что кожей между лопатками, прямо на затылке, он почувствовал чей-то пристальный, тяжёлый взгляд. В самом тёмном углу комнаты, у сундука со снастями, кто-то сидел. Себастьян не видел силуэта, но физически ощущал: этот невидимый гость не собирается рычать или бросаться на него. Он просто вальяжно закинул ногу на ногу и беззвучно, снисходительно улыбнулся в темноте. Как человек, который с самого начала знал, чем закончится эта партия, и теперь просто лениво ждал, пока священник признает своё поражение.

АРХИВ: Газета La Vanguardia (Барселона), выпуск от 24 июня 1987 года.

«Следственные органы Гражданской гвардии Каталонии сообщают о задержании трёх участников подпольной группировки в районе порта Матаро. При обыске в заброшенном доке обнаружены хирургические инструменты, следы кокаина и шестнадцать освящённых гостий, похищенных ранее из прихода Святой Анны. По предварительным данным криминальной хроники, стоимость одной сухой гостии на чёрном рынке Мадрида и Барселоны в июне этого года достигла рекордных сорока тысяч песет. Представитель Министерства внутренних дел в официальном обращении призвал приходских священников усилить охрану дарохранительниц и не поддаваться спекуляциям прессы о ритуальном характере данных преступлений. Следствие настаивает на версии об организованной сети наркоторговцев, использующих церковное имущество для контрабанды галлюциногенов»

Солнце всходило над побережьем с той же ленивой точностью, с какой вчера ночью Тьма ломала кости пятилетней девочке. Оно выползло из-за горизонта не спеша, будто примерялось, стоит ли вообще показываться в этом мире,

где даже детские молитвы выворачивают наизнанку. Первые лучи упали на море, и вода заискрилась - холодным, равнодушным блеском, который не грел, а только подчёркивал, как глубоко и темно под этой сверкающей поверхностью. Рыбачьи лодки покачивались на якорях, их мачты скрипели с той унылой регулярностью, которая бывает у старых костей, когда их ворочают во сне. В порту уже начиналось движение: кто-то перетаскивал ящики, кто-то ругался матом, кто-то сплёвывал за борт и крестился, глядя на восходящее солнце - по привычке, не по вере.

Себастьян сидел в таверне «Усталый матрос» с тех пор, как закрылись двери дома рыбака, а это было, наверное, часа четыре назад. Он не помнил, как пришёл сюда. Не помнил, садился ли на стул сам или кто-то усадил его, как куклу, у которой оборвались нитки. Он сидел, сжимая край стола, и смотрел в одну точку - на пятно от красного вина, которое въелось в скатерть ещё в прошлом веке, наверное, и теперь темнело посреди клетчатой клеёнки как засохшая рана.

Сутана его была тяжёлой. Ночной пот пропитал ткань на спине, и теперь она холодила лопатки, прилипла к телу, напоминая о том, что он бежал, спотыкаясь, падая на колени, вставал и снова бежал - туда, где Инес лежала на кровати, а в её пустых глазах плавала тьма. Воротник въелся в шею, натёр кожу, и каждое движение головой отзывалось неприятным саднением, будто кто-то водил по шее наждачной бумагой. Он попытался поправить воротник, но пальцы не слуша-

лись - они были грубыми, распухшими от того, как он сжимал распятие всю ночь, вдавливая металл в ладонь, пока не пошла кровь.

На его правой ладони, у основания большого пальца, заpekлась тёмная, бурая корочка. Он посмотрел на неё, и ему показалось, что эта царапина похожа на трещину в стене старой церкви - через неё ветер задувает внутрь, и никто не знает, как её заделать. Под столом, стараясь не привлекать внимания, он начал сдирать эту корочку ногтем. Кожа отслаивалась мелкими чешуйками, падала на пол, смешивалась с грязью и крошками от хлеба. Кровь выступила снова - тёплая, живая, и это было единственное тепло, которое он чувствовал этим утром.

Вокруг него шумела жизнь. Обычная, утренняя, человеческая жизнь, которая не знала и не хотела знать о том, что происходило в лачуге рыбака в нескольких сотнях метров отсюда. Луис сидел за соседним столом и с хрустом вонзал зубы в поджаренный тост, густо намазанный чесноком и перетёртым томатом. Подгоревшая хлебная корочка трещала под его челюстями, крошилась, и оливковое масло капало на подбородок, стекало по жёсткой щетине, оставляя сальные жирные дорожки. Он жевал размашисто, с открытым ртом. Привычка, въевшаяся за годы работы на палубе, где ветер бьёт в лицо и надо глотать быстро, пока улов и хлеб не унесло за борт штормовой волной. Звук его жевания казался Себастьяну мерзким, слишком влажным, чавкающим - так с тя-

жёлтым причмокиванием сапоги вытаскивают из прибрежной грязи

- Эй, отец Себастьян, - крикнул Луис, перехватив его остекленевший взгляд. - Ты сегодня тихий, как покойник на лавке. Выпей пива, оживёшь.

- Не хочу, - ответил Себастьян.

Голос прозвучал хрипло, плоско, словно связки покрылись ржавчиной от долгого неиспользования.

- Ну и зря, - Луис шумно отхлебнул из тяжёлой глиняной кружки. Густая белая пена осела на его верхней губе, и он слизнул её широким движением языка, как сытый кот. - Пиво в такую жару - это лекарство. Кровь разгоняет, мысли проясняет. А у тебя, смотрю, мысли мутные, как болотная жижа.

- У меня всё нормально, - Себастьян выдавил слова через силу, но сам почувствовал, как фальшиво они ударились о стены таверны.

Маноло сидел напротив Луиса, низко склонив голову над столом. Его лицо, иссушенное солнцем до состояния печёного яблока, застыло. Старик с маниакальной сосредоточенностью ковырял в зубах острой деревянной щепкой. Он выковыривал остатки вчерашней трески с таким видом, будто решал тригонометрическое уравнение, от которого зависело выживание побережья. Щепка была тонкой, и он орудовал ею с хирургической точностью, периодически со свистом втягивая воздух и сплёвывая на земляной пол мелкие крош-

ки.

- Слышали, что в столице творится? - спросил старик, не прерывая своего занятия. - В Мадриде опять. Церковь разнесли. Не кассу вскрыли, не золотые подсвечники уволокли. Дароносицу утащили. Вместе со Святыми Дарами.

- Вот дурачье, - Луис продолжал двигать челюстями, не меняя ритма. - На кой бес им кусок пресного теста? За него в порту и чашки дешёвого хереса не нальют.

- Газеты пишут, что сектанты объявились, - Маноло наконец вытащил щепку изо рта и указал ею на Луиса. - Сатанисты там всякие. Чёрные мессы крутят в подвалах. Им для этих ритуалов непременно нужны освящённые гостии. Без них у них черт из преисподней не вызывается.

- А, - Луис пренебрежительно махнул рукой, едва не задев стакан. - Это всё мадридские газетчики раздувают. Им лишь бы тираж поднять да напугать баб. Сатанисты, дьяволопоклонники... А где они, эти сатанисты? Ты их видел? Я их в глаза не наблюдал.

- В Мадриде они, в Барселоне, - упрямо проворчал Маноло, снова утыкаясь щепкой в зубы. - А у нас что? У нас Богом забытая дыра. Сюда даже дьявол побрезгует сунуться. Рыбой воняет на три мили вокруг, да одна дохлая сардина на всю округу. Кому мы тут сдались со своими приходами?

Маноло рассмеялся, и Луис подхватил этот смех - громкий, раскатистый, напоминающий скрежет крупной гальки, которую море с грохотом перекачивает по берегу во время

шторма. Себастьян слушал их сухой хохот и чувствовал, как под рёбрами закипает тёмная, почти осязаемая ярость. Ему хотелось с размаху перевернуть этот липкий стол, схватить Луиса за ворот куртки и закричать в его сытое, лоснящееся от масла лицо: *«Вы ничего не знаете! Вы сидите здесь, ешьте, пьёте, зубоскалите, а в двух кварталах отсюда пятилетняя девочка, которую я крестил, только что выплёвывала латынь задом наперёд!»* Но он не издал ни звука. Он лишь стиснул челюсти так сильно, что побелели уголки губ, и намертво уставился в грязное окно.

Стекло было мутным, засиженным жирными мухами и покрытым разводами от высохшего ночного дождя. Сквозь эту серую пелену залитая солнцем портовая улица казалась плоской, ненастоящей, словно декорация в провинциальном театре, где актёры окончательно забыли свои роли. Косые лучи пробивали грязь, высвечивая в воздухе пыльные полосы. Себастьян гипнотизировал взглядом прохожих. Люди лениво тащили плетёные корзины, волокли мокрые снасти, вели за руки детей. Они шли своей привычной дорогой и не подозревали, что мир вокруг них уже трещит по швам. Что Тьма - не в Мадриде, не на страницах криминальных хроник с их кричащими шрифтами. Она обосновалась здесь, по соседству, в рыбацкой хижине у кромки прибора.

Толпа всегда путает следствие с причиной. Они ищут дьявола в шприцах наркоманов, пока он спокойно ужинает в их собственных домах.

За спиной Себастьяна, прямо на деревянном подоконнике у засохшего цветка, захрипело транзисторное радио. Хозяин таверны врубил его по привычке, чтобы заглушить утреннюю пустоту зала. Из динамика сквозь треск статики пошла бодрая, жизнерадостная эстрадная песня - один из тех летних хитов группы Месапо, которые крутили изо всех окон. Голос солистки звучал приторно, слащаво, напоминая дешевый сироп, которым обильно заливают испорченные пирожные, чтобы перебить вкус тухлого крема. Она беззаботно пела о любви, пляжном песке и о том, что каждый день превращается в праздник, если ты молод и свободен.

Слова казались абсолютно пустыми, но навязчивая мелодия намертво въедалась в память, как ржавая заноза. Себастьян с ужасом поймал себя на том, что механически прокручивает этот мотив в голове. Его передёрнуло от физического отвращения к самому себе. Как рассудок может напевать эту глупую карамельную попсу, когда в ушах всё ещё звенит леденящий свист детского голоса, искромсавшего латынь? Как человеческий мозг способен так легко переключаться между первобытным теологическим ужасом и эстрадным мусором, словно щёлкает тумблерами на радиоприёмнике?

Пальцы Себастьяна ввелись в край стола с такой силой, что суставы побелели и натянулись под кожей. Старое дерево под его ладонями казалось липким, жирным от сотен портовых рук, цеплявшихся за него в течение десятилетий. Сколь-

ко людей занимали эти стулья до него, сколько из них пили, ели и гоготали, даже близко не подозревая, что пройдут годы - и их собственные дети заговорят голосами, которые никогда не принадлежали человеку?

- Отец Себастьян, ты чего бледный такой? - Луис отложил корку, разглядывая его маску. - Лица на тебе нет. Нехорошо?

- Не выпался, - Себастьян по-прежнему гипнотизировал взглядом винное пятно.

- Не выпался он, - хмыкнул Маноло. - Я вчера три бутылки креплёного в одно горло залил и дрых как младенец. Знаешь почему? Рассудок всякой чертовщиной не забиваю. Ты бы тоже завязывал круглосуточно молиться своим святым, пожил бы по-человечески. Выпей хереса, потребуй у хозяина свежую рыбу, найди себе...

Старик резко осекся. Взгляд его упёрся в заштопанный подол чёрной сутаны, затем скользнул к серебряному распятию, и Маноло проглотил окончание фразы.

- Найди себе кого? - Себастьян поднял на него глаза. В этом вопросе отсутствовал вызов. В нем пульсировала лишь выжженная, бескрайняя усталость. Такое опустошение могло бы до краёв заполнить собой весь этот нищий порт, донное море и ледяную пустоту между мёртвыми звёздами.

- Ладно, проехали, - буркнул старик, отворачиваясь. - Мужчина ты взрослый, без приходских советов разберёшься.

Луис допил пиво и опустил тяжёлую глину на клеёнку с

глухим, костяным стуком. Откинулся на шаткую спинку стула, запустив руку в карман штормовки за табаком. Он извлёк измятый кисет, вытряхнул сухие крошки на клочок газетной полосы и принялся лениво крутить самокрутку. Его толстый красный язык влажно скользнул по краю папиросной бумаги. Этот короткий шуршащий звук показался Себастьяну пугающе похожим на шорох, с которым распадается истлевшая плоть, слишком долго пролежавшая в сырой земле Леванте.

- Так что там с той девкой из Мадрида? - Луис чиркнул спичкой, прикуривая. Из самокрутки повалил вонючий серый дым. - Ну, которую жандармы скрутили на кладбище Сан-Исидро.

- Не девка, а студентка, - авторитетно поправил Маноло. - Девятнадцать лет, приличная семья. Пишут, она по доброй воле притащилась на погост ночью вместе с этими... дьяволопоклонниками.

- Да какая разница, - Луис выпустил струю дыма через ноздри. - Вместо того чтобы штудировать учебники, шляются по склепам от безделья. Вот тебе и прогресс, вот тебе и свобода после Франко.

- В сводках Гражданской гвардии утверждают, будто она сидела на героине, - добавил старик. - Похоже на правду. Укололась в притоне дрянью, крыша съехала окончательно, вот и привиделось, что Сатана ведёт с ней беседы.

- С кем? - переспросил Луис, стряхивая пепел прямо на пол.

- С ней. Со студенткой этой.

- Ну да, ну да, - Луис издевательски приснул. - Дьяволу в преисподней заняться больше нечем, кроме как выслушивать бредни каждой обдолбанной дуры.

Оба рыбака дружно и сыто расхохотались. Себастьян слушал этот раскатистый портовый смех, и у него судорожно сводило скулы от безумного желания закричать. Она не кололась героином в подворотнях. И не была сумасшедшей дурой. Девятнадцатилетняя студентка оказалась всего лишь обычным человеком, который лицом к лицу столкнулся с подлинной, некнижной Тьмой. Встретился - и мгновенно проиграл, потому что в этом сытом, равнодушном мире никто не научил её, как выживать в схватке с тем, что не имеет человеческого лица.

Себастьян промолчал. Он упёрся взглядом в край стола, отчётливо понимая: эти двое мужчин абсолютно правы в своей слепоте. Их броня - цинизм. Их главная защита - упрямая привычка игнорировать всё, что невозможно потрогать огрубевшими пальцами. Они шумно высмеивали газетные ужасы из Мадрида лишь потому, что в противном случае им пришлось бы признать очевидное: мир вокруг - это не твёрдая, надёжная земля, а тонкая, хрустящая корка льда, под которой клокочет Тьма.

- А ты сам что думаешь, отец Себастьян? - Луис неожиданно развернулся к нему всем корпусом. - Ты ведь у нас по святым делам единственный эксперт. Веришь ты во всю эту

сатанинскую ересь или нет?

Себастьян тяжело поднял веки. Он заставил себя посмотреть на Луиса - на его жирный, блестящий от масла подбородок, на маленькие, заплывшие от хронического портового недосыпа глаза. Затем перевел взгляд на Маноло. Старик замер, перестал ковырять в зубах острой щепкой и выжидающе уставился на священника. Себастьян вспомнил, что эти люди - его прямая паства. Он обязан выдать им ответ. Хоть какое-то утешение, сухую обнадеживающую фразу, способную вернуть их в состояние привычного, сытого неведения.

- Не знаю, - выдавил он. - Я не читаю газет.

- Вот и правильно, - одобрил Луис, шумно выдохнув дым. - А то развели психоз по всей Каталонии. Скоро, небось, жандармы запретят из домов носа совать после заката.

Рыбак натянуто хохотнул, но этот смех оборвался слишком быстро. Себастьян заметил, как у Луиса судорожно дёрнулось веко - мелкий, предательский нервный тик, выдающий человека, который вслух говорит одно, а кожей чувствует совершенно другое. Но Себастьян не стал цепляться за эту деталь. У него не осталось сил. Опустошение было столь глубоким, что, казалось, его кости внутри сутаны сейчас превратятся в сухой песок и высыплются через обтрёпанный подол прямо на земляной пол, смешавшись с грязью и зачерствевшими хлебными крошками.

Перед ним уже час стоял стакан с водой. Вода давно нагрелась под полуденным солнцем, став неприятно тёплой, почти

горячей. Он протянул дрожащие пальцы, коснулся стекла и поднёс стакан к губам. Но сделать глоток не удалось - гор-тань мгновенно перехватило сухим спазмом, словно кто-то невидимый изнутри сдавил его горло ледяными пальцами. Вода физически не шла внутрь. Себастьян со стуком вернул стакан на клеёнку. Рука продолжала мелко, позорно дрожать - так дрожат конечности у дряхлых стариков, которые точно знают, что финал близок и спасения не будет.

Мысли упрямо швыряли его назад, в удушливую ночную полутьму. Себастьян снова видел себя стоящим на коленях у матраса Инес. Он гипнотизировал взглядом её бледное, за-стывшее лицо и распахнутые глаза. В этих глазах полностью отсутствовали страх, боль или детская надежда. Там царила первобытная пустота. Точно такая же мёртвая бездна, ко-торую сам Себастьян каждую ночь нащупывал внутри себя, когда до кровавого пота молился в пустом храме и получал в ответ лишь звенящий, ледяной вакуум.

«Тяжелее всего возвращаться из ада туда, где люди про-должают сдавать карты, пить кислое вино и шутить о нало-гах», - подумал он.

Он закрыл глаза. В темноте под веками проявилась Инес - не выгнутая струной кукла с пустыми глазницами, а та, пя-тилетней давности, смеющаяся в его ладонях над медным тазом. Память мгновенно подсунула запахи: грудное моло-ко, детский пот и что-то неуловимо сладкое, похожее на на-дежду. Этот душный аромат застрял где-то на дне носоглот-

ки, Себастьян едва сдержал судорожный выдох - от этой тактильной памяти резало ребра, ведь та Инес больше не существовала. Творец оставил ей только плотскую оболочку. Изнутри её выедала Тьма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.